

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ДИНАСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОЭМЫ "ПРУССКАЯ ВОЙНА" ЯНА ВИСЛИЦКОГО

Некрашевич-Короткая Жанна Вацлавовна,

канд. филол. наук, доц.

Белорусский государственный университет

В рамках поэмы "Прусская война" (Краков, 1516) Ян Вислицкий изложил свою концепцию, определяющую роль и место великого князя Ягайлы (а также его наследников, представителей династии Ягеллонов) в политической истории Центральной и Восточной Европы XV – XVI веков. Задачей художественного воплощения этой концепции обусловлена система образов поэмы, а также ее композиционная специфика.

Ключевые слова: латинская поэзия, героический эпос, Грюнвальдская битва, династия Ягеллонов.

Творчество Яна Вислицкого стало *объектом* исследования белорусских литературоведов с 60-х годов прошлого века, когда Микола Прашкович впервые упомянул о нем в академической "Истории белорусской литературы" [Прашкович 1968, 29]. Немного позже Виктор Дорошкевич аргументированно изложил свою гипотезу, согласно которой Ян Вислицкий был выходцем из Беларуси [Дарашкевич 1975, 56]. Центральное произведение Яна Вислицкого, героическая поэма "Прусская война", изданная в Кракове в 1516 г., является хронологически первым (известным на сегодняшний день) памятником латинской поэзии Беларуси эпохи Ренессанса. На первый взгляд, центральная тема этого произведения – война с крестоносцами 1410 г. На это указывает в первую очередь название поэмы, которым акцентировано соответствующее событие. Кроме того, самая объемная вторая часть (511 строк гекзаметра) излагает предысторию битвы с тевтонцами, а также ее непосредственное описание. Вот почему эпопею Яна Вислицкого многие польские исследователи воспринимали как поэму о Грюнвальдской битве. В их работах можно встретить суждения о "бедности сюжета" и "несовершенстве композиции" поэмы, упреки автора за его нежелание пользоваться историческими источниками при описании битвы [Jeżeniecki 1888, z. 4, 199; Witkowski 1891, 282–285; Smereka 1932, 35]. Эти поверхностные суждения первых польских исследователей творчества Яна Вислицкого механически переносились в работы их последователей. Поэтому вопрос о специфике художественной концепции и образной системы "Прусской войны", о ее композиционных особенностях и сегодня не утратил своей актуальности. Все эти вопросы и составляют *предмет* данного исследования.

Поэма Яна Вислицкого рассматривалась чаще всего без учета ее жанровой природы. А ведь, как известно, именно героический эпос был наиболее кодифицированным с точки зрения литературной теории жанром. И в поэтической теории Аристотеля, и в художественной практике поэтов-эпиков еще в античные времена были выработаны некоторые основополагающие принципы, которых с необходимостью придерживались все последующие авторы, создававшие "carmen heroicum". К одному из таких принципов относится необходимость формулировки "общего тезиса" ("*thesis universalis*") в начале эпопеи. Именно в первых строках "Илиады" и "Энеиды" излагалась их главная тема. "Прусская война" начинается так:

*Felix astrigeri veniens de cardine mundi
Fama trucis nimium, Rex invictissime, belli
Sanguineo reboat multum madefacta triumpho
Fortis avi tollendo tui ad fastigia caeli
Gesta... [Bellum I, 1–5; см.: Віслицькі 2005]*

(Счастливая слава чрезвычайно суровой войны, о непобедимый король, придя от звездного полюса, проникнутая батальным триумфом, громко отозвалась, вознося к небесам подвиги твоего могучего предка).

Исходя из содержания этих строк, тема произведения – "счастливая слава" Грюнвальдской битвы, а не подробное ее описание. Значит, все упреки критиков автору за нежелание следовать исторической правде необоснованны: его интересует именно "fama" – то, что осталось в народной памяти о событиях столетней давности. Важно, что уже вначале сводятся в одном контексте король Сигизмунд Первый и его легендарный дед, король Ягайло, а значит, в центре внимания автора – история династии Ягеллонов. Победа же короля Ягайлы в Грюнвальдской битве нужна здесь лишь как историческая подсветка.

В первой книге "Прусской войны" после развёрнутой экспозиции автор представляет читателю страну, которую "accola rudis" ("несведущий сосед") называл "Sarmatia", хотя правильное, исконное ее название – "Polonia": "Nam sua sic dicti patrio sermone Poloni // Rura tenent agrosque colunt" ("Ведь поляки, назвавшие так себя на своём языке, населяют [здесь] земли и обрабатывают поля") [Bellum I, 115–116]. Однако далее поэт подчеркивает, что земли "Полонии" населяют не только сами поляки, но еще и "triplices Rutheni" ("тройкие русины"), которые, по словам поэта, "ad Euxini Nomades pelagi Mysosque // Ac Tanaim protensa et ad aequora lata Livonum" ("расселились вплоть до кочевников и мизов на Черном море, а также до широких просторов ливонцев") [Bellum I, 121–122]. Упоминание "тройких русинов" сочетается с очередным обращением к королю: все они, говорит поэт, объединены властью Сигизмунда Первого.

Ян Вислицкий стремится подчеркнуть, что "Polonia" в его время значительно расширила свои границы по сравнению с древними временами, когда Лех был "moderator primus" ("первым властелином") [Bellum I, 137] в этой стране. После упоминания Леха, после краткого рассказа о Краке и Ванде поэт обращается за помощью к "древней Славе" ("Fama vetus") и к Музе Каллиопе [Bellum I, 217–220]. Фактически, он делает свою "Славу" десятой Музой, в очередной раз подчеркивая ее символическое значение в идейном замысле произведения. Неожиданно к поэту является Аполлон, велит ему остановить рассказ о древних правителях Польши, "coluit quos durus Sarmatha" ("которых воспевают суровый сармат"), и советует: "Sideream stirpem regis modulare Poloni // Nec non fortis avi praestantia facta sui..." ("Воспевай божественного потомка польского короля, а также подвиги его могучего предка") [Bellum I, 252–255]. Поэт следует совету Аполлона и начинает вторую книгу "Прусской войны" презентацией древней Литвы – родины великого князя и короля Ягайлы.

Почему же автор "Прусской войны" прервал поэтическую родословную правителей Польши, как будто нарушив композиционную целостность произведения? Ведь история отечественной литературы представляет и совсем иной пример такого рода. Так, в 1589 г. студенты Виленской иезуитской академии Авраам Кшевский и

Александр Раецкий издали сборник панегирических произведений, посвященный королю Сигизмунду III Ваза. Первым в сборнике помещено панегирическое стихотворение "*Sigismundum III, successorem suum reges Poloniae salutant*" ("Короли Польши приветствуют своего наследника Сигизмунда III"). И перед читателем, действительно, выступают все польские правители: Лех, Крак, Ванда, Пшемислав (Лешко I), Пяст и т. д. вплоть до Владислава Ягайлы и его потомков [Krzewski 1589, 3–14 n. n.]. Примерно то же самое, на первый взгляд, должен был сделать Ян из Вислицы. Значит, нарушение этой логики должно быть связано с какой-то особой художественной задачей, которую поэт решает путем необычного построения поэмы.

Глубинную сущность идейного замысла "Прусской войны", которым объясняется необычный финал первой книги, концептуально осмыслил белорусский ученый Владимир Короткий. "Как некогда единство Руси, – отмечает он, – воспринималось как единство княжеского рода Рюриковичей, так теперь единство державы народов Польской Короны и Великого Княжества Литовского воспринималось как наследственное право Ягеллонов на владение этими землями, а также обязанность защищать и охранять их. <...> Историческая аналогия напрашивается сама собой: как Рюриковичи некогда стали владеть державой Кия, Щека и Хорива с центром в Киеве, так и Ягеллоны – на землях Леха, Крака и Ванды с престолом в Кракове" [Короткі 1997, 91–92]. Таким образом, композиционное построение поэмы на макроструктурном уровне стало художественной иллюстрацией федеративного мышления поэта.

Вторая часть "Прусской войны" открывается поэтической презентацией Великого Княжества Литовского – родины короля Ягайлы. Сам же король изображается здесь как "*heros absolutissimus*" ("совершеннейший герой") (*Sarb. De perf., II. 7*, см.: [Sarbiewski 1954]) эпопеи. Он не просто "*dux pacis*" [Ulčinaite, 1995, 30], который до последнего момента стремился мирным путём разрешить конфликт с Тевтонским орденом. Он еще и божественный избранник: именно ему была предсказана победа в Грюнвальдской битве святым бискупом Станиславом, явившимся королю "из поднебесных висот" во время богослужения [Bellum II, 276–297]. Поэтому в финале второй книги поэт не считает возможным сравнивать подвиг короля Ягайлы с подвигами античных героев – Ахилла, Гектора, Цезаря, ибо все они "*retro huic cedant virtutis honore // egregii*" ("следуют позади него в величии благородной доблести") [Bellum II, 510–511].

Третья часть поэмы открывается "олимпийским планом": боги собираются вместе по приказу Юпитера, чтобы избрать жену для седовласого короля Ягайлы. То, что вопросом о наследнике Ягайлы озабочены сами олимпийцы, служит знаком неординарности героя и ситуации. Введение этой сцены также соответствует творческой установке автора на создание своеобразной "Ягеллониды" (эта удачная метафора в отношении "Прусской войны" принадлежит Станиславу Лэмпичкому [Łempicki 1952, 225]).

Поэма "Пруская вайна" была подготовлена к опубликованию в 1515 г. Почему всё же победа столетней давности могла заинтересовать читателей, современников автора, и в первую очередь – короля Сигизмунда? Ответ на этот вопрос дал Ю. Новак-Длужевский, отметив, что поэму, формально посвященную победе под Грюнвальдом, автор написал после победы под Оршей, к тому же в период весьма напряженных отношений Польши с орденом крестоносцев [гл.: Nowak-Dłużewski 1966, 59]. Именно в 1515 г. магистр ордена Альбрехт фон Гогенцолерн-Ансбах пе-

решел к политике поиска союзников в запланированном вооруженном конфликте с Сигизмундом. В этой ситуации Ян Вислицкий хочет напомнить крестоносцам, к чему привело тевтонцев сто лет тому назад излишнее высокомерие магистра Ульрика фон Юнгингена, позорно погибшего на поле Грюнвальда. Поэт ясно даёт понять герцогу Альбрехту и всем другим "претендентам" на престолы в Кракове и Вильне, что правом высшей государственной власти в федеративной державе обладают только потомки Ягеллонов. Символом политического объединения двух государств – Королевства Польского и Великого Княжества Литовского становится в поэме брачный союз короля Ягайлы и Софьи Гольшанской.

Ян Вислицкий был первым из латиноязычных поэтов, кто акцентировал в литературе фигуру королевы Софьи. В позднейших поэтических произведениях на латинском языке, в которых возобновляет родословная "от Леха до Ягеллонов" (К. Яницкого, а также А. Кшевского и А. Раецкого) упоминание о ней отсутствует. Лишь Симон Пекалид, придворный поэт князей Острожских, в своей героической эпосе "*De bello Ostrogiano*" ("Об Острожской войне", Краков, 1600), упоминая дружких князей, прославляет Софью и ее отца, киевского князя Андрея Ивановича [Pecalides 1600, 19 n. n.].

Ян Даниэль Яноцкий писал, что, согласно воспоминаниям современников, королева Софья "была прекрасно образована в области гуманитарных наук", вела обширную переписку с духовными иерархами и светскими сановниками, а также организовала грандиозный филологический проект по переводу книг Библии на польский язык "*e veterrimo exemplari slavonico*" ("с древнего славянского экземпляра") [Janosciana 1819, 308–310]. Нетрудно понять, почему в поэме Яна Вислицкого королева Софья заслуживает обожествления. Вот как рассказывает о ней в третьей книге "Прусской войны" Венера:

*Est mihi nympha Ruthenorum speciosa sub orbe,
Nympha puellarum pulcherrima, nympha dearum,
Terricolae Zophiam proprio quam nomine dicunt,
Omnes quae priscas heroidas atque puellas
Praestat in oris honore sui et sermonis amati* [Bellum III, 77–81].

(Есть у меня очаровательная нимфа в стране русинов, божественная нимфа, которую соотечественники называют свойственным [ей] именем – Софья; она превосходит всех прежних героинь и женщин в [целом] мире, ибо прославилась и она сама, и ее любовь к слову.)

Говоря о том, что королеву назвали "*proprio nomine*" ("свойственным [ей] именем"), поэт имеет в виду, что имя Софья происходит от древнегреческого "σοφία" – 'мудрость'. Именно Софье из рода князей Гольшанских ее счастливую судьбу предначертали сами олимпийские боги, и никто не может сомневаться в правильности их решения. По замыслу небес княжне-русинке предназначено продолжить род Ягеллонов: она родила королю трех сыновей, один из которых – Казимир – стал наследником польского трона. Таким образом, доказывает автор, никаких других правителей в Центральной Европе, кроме наследников Казимира Ягайловича, нет и быть не может.

Только с учетом государственно-династического подтекста может быть расшифрована художественная загадка под названием "Прусская война". Первая книга

содержательно на макроструктурном уровне ассоциируется с Польшей, вторая – с Литвой (Великим Княжеством Литовским). А в третьей книге Польша и Литва объединяются по решению олимпийцев. "*Fama felix*" Грюнвальдской битвы – самый важный аргумент в пользу этого объединения.

Известный белорусский ученый Виктор Дорошкевич писал: "Постигая структуру, идейно-художественную проблематику "Прусской войны", мы видим, что этому произведению свойственна важная черта эпопеи – рассмотрение некоторых явлений жизни с точки зрения исторической и композиционной перспективы" [Дорошкевич 1979, 125]. Вся поэма, будто величественная египетская пирамида, основанная на широком фундаменте исторической ретроспекции, в конце концов сходится в одной вершине – фигуре Сигизмунда Первого. Он восхваляется в финале поэмы как "*victor celebris patriae pater atque Polonae*" ("славный победитель и отец польского отечества") [Bellum III, 256]. Но панегирик Сигизмунду в конце третьей книги – это логическое и идейное продолжение панегирика Ягайле в конце второй книги. Сама же поэма с обращения к королю начинается и им же заканчивается, и эта кольцевая композиция произведения придаёт ему необходимую структурную целостность.

"Разветвленность замысла Яна Вислицкого, – отмечал Яков Порецкий, – и путей, избранных им для воплощения своих идей, не оставляют читателя равнодушным, захватывают его даже через десятилетия" [Парэцкі 1991, 106]. Подчеркивая историческое значение победы под Грюнвальдом, автор разворачивает своеобразную поэтическую карту, на которой представлены все народы и страны, имевшие отношение к этому событию, либо те, которые затрагивали политические интересы Ягеллонов. При этом автор не ограничивает себя узконациональными взглядами. "Поэт-гуманист далёк от мысли возвышения какого-нибудь народа державы Ягеллонов – каждый из них славен своей историей, своим умельством: для характеристики каждого из них Ян Вислицкий находит соответствующие эпитеты" [Кароткі 1997, 92]. Победа на поле Грюнвальда стала их общим триумфом, а поэма "Прусская война" – поэтическим памятником их ратным подвигам и духовному величию, их великой державе и ее непобедимым монархам.

У поемі "Прусська війна" (Краків, 1516) Ян Віслицький виклав свою концепцію, яка визначає роль і місце великого князя Ягайла (а також його спадкоємців, представників династії Ягеллонів) у політичній історії Центральної й Східної Європи XV-XVI ст. Завданнями художнього втілення цієї концепції обумовлена система образів поеми, а також її композиційна специфіка.

Ключові слова: латинська поезія, героїчний епос, Грюнвальдська битва, династія Ягеллонів.

In the poem "The Prussian War" (Krakow, 1516) Ioannes Visliciensis expounded his conception stating the role and place of Grand Duke Jagaila (as well as his heirs, the representatives of the Jagiellon dynasty) in the political history of Central and Eastern Europe of the 15th -16th centuries. The artistic realization of this conception determined the system of images of the poem and its composition specificity.

Key words: Latin poetry, heroic epos, the Battle of Grunwald, Jagiellon dynasty.

Литература:

1. *Вісліцкі Ян*. Пруская вайна = Ioannis Visliciensis Bellum Prutenum: на лац. і беларус. мовах / Ян Вісліцкі; [уклад, перакл., камент. Ж.В. Некрашэвіч-Кароткай]. – Мн.: Прапілеі, 2005. – 234 с.
2. *Дарашкевіч В.І.* Мастацкі помнік Грунвальду / В.І. Дарашкевіч // *Помнікі гісторыі і культуры Беларусі*. – 1975. – № 3. – С. 55–59.

3. *Дорошкевич В.И.* Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы: Первая половина XVI века / Виктор Иванович Дорошкевич. – Мн.: Наука и техника, 1979. – 208 с.
4. *Кароткі У.* Пісаў пра мінуўшчыну, думаў пра будучыню... / У. Кароткі // Маладосць. – 1997. – № 12. – С. 89–93.
5. *Парэцкі Я.* Ян Вісліцкі / Я. Парэцкі. – Мн.: Універсітэцкае, 1991. – 112 с.
6. *Прашковіч М. І.* Паэзія / М.І. Прашковіч // Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры. – Т. 1: 3 старажытных часоў да канца XVIII ст. – Мн.: Выд-ва "Навука і тэхніка", 1968. – С. 354–364.
7. *Janociana* sive Clarorum atque illustrium Poloniae auctorum mecenatumque memoriae miscellae. Nunc primum e Codicibus, Biblioth. Publ. Vars. Edidit S. T. Linde. – Varsaviae: Typis Collegii Scholarum Piarum, A.R.S. MDCCCXIX (1819). – XLIV + [22] + 406 с.
8. *Jeżenicki M.* Uwagi krytyczne nad utworami łacińskimi Pawła z Krosna i Jana z Wiślicy wydanymi przez prof. Dr. B. Kruczkiewiczza / M. Jeżenicki // Muzeum. – R. IV. – We Lwowie, 1888. – Z. 4. – С. 196-204.
9. [*Krzewski A., Rajcecki A.*] Serenissimo ac potentissimo principi Sigismundo III. Regi Poloniae Magnoque Duci Lituaniae, etc. etc. faelicissimum et optatissimum Vilnam ingressum gratulantur Abrahamus Krzewski et Alexander Raiecki, Bonarum Artium in Academia Vilnensi Societatis Jesu studiosi. – Vilnae: [Typis Academicis S. J. ?], 1589. – [29] с.
10. *Łempicki S.* Renesans i humanizm w Polsce: Materiały do studiów / S. Łempicki; Słowo wstępne K. Budzyka. – Kraków: "Czytelnik", 1952. – VI + 474 с.
11. *Nowak-Dłużewski J.* Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce. Czasy Zygmuntowskie / J. Nowak-Służewski. – Warszawa: Pax, 1966. – 385 с.
12. [*Pecalides Simones*] De bello Ostrogiano ad Piantcos cum nisoviis, libri quattuor. A Simone Pecalidis Artium Baccalaureo conscripti. <...> – Cracoviae: In Officina Andreae Petricovii. Anno Domini, 1600. – [68] с.
13. *Sarbiewski M. K.* O poezji doskonałej czyli Wergiliusz i Homer = De perfecta poesi, sive Vergilius et Homerus, przełożył Marian Plezia, opracował S. Skimina / M. K. Sarbiewski. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1954. – 523 с.
14. *Smereka J.* Wstęp / J. Smereka // Jan z Wislicy. Wojna Pruska; Przełożył J. Smereka / Zbiór pisarzy polsko łacińskich. – T.1. – Lwów: Nakładem filomaty, 1932. – С. 9-37.
15. *Ulčinaite E.* Literatura neolacińska jako świadectwo litewskiej świadomości państwowej i narodowej // Łacina w Polsce: Zeszyty naukowe pod red. J. Axera. Z.1-2: Między Slavia Latina i Slavia Orthodoxa. – Warszawa: OBTA, 1995. – С. 27-43.
16. *Witkowski S.* Jan z Wiślicy, jego życie i pisma / S. Witkowski // Przewodnik naukowy i literacki. 1891. T. XIX. С. 29-44, 173-184, 277-286, 365-372, 440-449.